

Министерство высшего образования и науки РФ
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт славяноведения РАН
(ИСл РАН)

Отдел типологии и сравнительного языкознания

**Доклад об основных результатах подготовленной научно-
квалификационной работы (диссертации)**

очной аспирантки ИСл РАН,

обучающейся по направлению 45.06.01 «Языкознание и литературоведение»,
специализация (профиль) 10.02.03 «Славянские языки»

ГЛЕБОВОЙ Дарьи Сергеевны

на тему

**Нарративный модус в историографических памятниках Древней Руси и
Древней Скандинавии**

Научный руководитель:

д.ф.н., член-корр. РАН, г.н.с. ИСл РАН

Успенский Ф.Б.

Москва, 2020

Представляемая работа является отрывком будущей кандидатской диссертации, посвященной типологическому сравнению таких нарративных форм средневекового историописания как древнерусские летописи и древнеисландские саги (королевские и родовые). В основу НКР положено только одно из возможных направлений сопоставительного анализа – особенности трансмиссии летописей и саг как открытых текстологических традиций.

В докладе будет описана необходимость подхода к летописям и сагам с точки зрения их трансмиссии, особенности источников, особенности методологии подобного исследования, а также его результаты.

Актуальность предложенного типологического исследования. В данной работе древнерусское начальное летописание предлагается рассматривать в типологической перспективе – в сравнении с древнеисландской историографической традицией. Само по себе обращение к типологии обусловлено особенностями ранней древнерусской историографической традиции, понять которую вне синхронного ей контекста оказывается довольно трудно – как увидеть в ней черты, типичные для средневековой историографии, так и увидеть её своеобразие. Это желание поставить древнерусское начальное летописание в контекст лежит в основе целого направления филологических и источниковедческих исследований, представленного в работах последних лет (А.А. Гиппиус, Т.В. Гимон, Е.А. Мельникова, А.М. Ранчин и др.).

В сравнительных исследованиях большое внимание было уделено форме начального древнерусского летописания на материале региональных изводов “Повести временных лет” (далее в тексте: ПВЛ). Рассматриваемая сама по себе, в жанровом смысле ПВЛ является загадочным памятником, так как не похожа ни на один из расхожих в средние века историографических

жанров: это и не хроника, и не анналы, и не жизнеописание (*gesta*)¹; не является летописанием и одной из форм византийской историографии². Однако, в компаративном освещении особенности формы ПВЛ становятся яснее. Так, с одной стороны, в ней есть очевидный принцип разбиения на погодные статьи и “открытая” композиция, обусловленные самим процессом летописания: летописи велись год за годом синхронно историческим событиям. Такая форма роднит летописи с западноевропейскими анналами³. С другой, в летописи есть объемные нарративные блоки, синтезирующие в себе события нескольких лет, что скорее сближает летописи с западно- и центральноевропейскими хрониками⁴. В последних также встречается сочетание нарратива и погодных записей (ср. хронику Козьмы Пражского)⁵.

Кроме формы исследователи обычно обращают также внимание на особое место устной традиции в составлении европейской средневековой историографии и в древнерусском начальном летописании. В отличие от византийских историков, опирающихся на длинную традицию письменного историописания, составители истории раннесредневековых европейских государств имели в своём распоряжении только устные источники, из-за чего появлялась необходимость «письменного оформления устного предания об

¹ Обзор средневековых западноевропейских исторических жанров см., например, в *Vanderputten, S. Typology of Medieval Historiography Reconsidered: a Social Re-interpretation of Monastic Annals, Chronicles and Gesta // Historical Social Research / Historische Sozialforschung*, Vol. 26, No. 4 (98), 2001. P. 143; *Spiegel, G.M. Historical Thought in Medieval Europe // A Companion to Western Historical Thought / Ed. by L. Kramer, S. Maza. 2002.*

² *Гиппиус, А.А. У истоков древнерусской исторической традиции // Славянский альманах, 2002. М., 2003. С. 35.*

³ Подробное сопоставление летописей, анналов и хроник как форм историописания с обзором историографии по вопросу см. *Гимон, Т.В. Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси: Сравнительное исследование. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2012, в особенности с. 85-92.*

⁴ *Гиппиус, А.А. У истоков... С. 33.* Впервые смотреть на летопись как на сочетание «монотематического» объемного повествования и погодных статей предложил М.Х. Алешковский в работе *Алешковский, М.Х. К типологии текстов «Повести временных лет» // Источниковедение отечественной истории. М., 1976. Вып. 2.*

⁵ *Ранчин, А.М. Оппозиция «природа – культура» в историософии «Повести временных лет» // А.М. Ранчин Статьи о древнерусской литературе. М., 1999. С. 105-115.*

отдаленном прошлом»⁶. Так, и особенности организации повествования, и свойства традиции, предшествующей появлению письменного историописания позволяют поставить древнерусское начальное летописание в один ряд с другими памятниками европейской раннесредневековой историографии.

При всей продуктивности сравнения начального древнерусского летописания с западно- и центрально-европейскими хрониками, подобное сравнение все же возможно лишь частично (например, на уровне организации повествования). В отличие от ПВЛ, большинство синхронных ей историографических традиций существовали на латыни, т.е. не на родном языке той или иной местной традиции⁷. Таким образом, даже опираясь на местные устные источники, средневековые историки использовали латинские языковые модели и литературные образцы. Совсем иначе был устроен языковой мир, создавший ПВЛ, которая с самого начала бытовала как нарративный историографический памятник *на родном языке (vernacular)*. В таком разрезе она все еще остается малоизученной с точки зрения типологии.

Объёмная часть сопоставительной лакуны была заполнена монографией Т.В. Гимона, посвященной сравнению начального летописания и раннесредневековой английской историографии IX-XII вв., которая тоже развивалась на родном языке (имеются в виду так называемая “Англо-Саксонская хроника”)⁸. Исследование Гимона подробно освещает анналистическую составляющую ПВЛ и её древнеанглийские параллели, а

⁶ Гиппиус, А.А. У истоков... С. 33. Подобное “нарративное ядро”, основанное на устном предании, находят и в основе ПВЛ, ср. Там же. С. 30-34. Гимон, Т.В. Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси... С. 115, 210-216; см. в особенности подробную библиографию на с. 211-212.

⁷ Таковыми являются все памятники, с которыми сравнивает летопись, например, А.А. Гиппиус: «История франков» Григория Турского, «Церковная история» Беды Достопочтенного (до её перевода), «История готы» Исидора Севильского, «История лангобардского народа» Павла Диакона, «Историей норманнов» Дудона Сент-Квентинского, а также центральноевропейские хроники Галла Анонима и Козьмы Пражского (Гиппиус, А.А. У истоков... С. 33).

⁸ Гимон, Т.В. Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси...

также процесс ведения погодных записей и “поновления” летописи (появление сводов). Нарративную основу ПВЛ Т.В. Гимон сравнивает с «Историей» Беды Достопочтенного⁹. Следует, однако, учитывать, что труд Беды – это работа с ярко выраженным авторством, которая имела отдельную рукописную традицию; ничего подобного не было ни в основе ПВЛ, ни при ее трансмиссии¹⁰.

Другой средневековой традицией ведения историографии на родном языке является древнескандинавское историописание, сохранившееся в виде древнеисландских королевских и родовых саг, которые сами исландцы XIII-XIV в. считали историческими¹¹. В отличие от «Англо-Саксонской хроники» или ПВЛ в сагах совсем нет анналистической формы¹². Однако, как нарративная историография на родном языке древнеисландские исторические саги представляются отличным фоном для ПВЛ: в обоих случаях, как будет показано в НКР, принципиально важным оказывается сочетание 1) прозаического повествования, 2) функционирования текста как истории, а также 3) бытования на родном языке.

Разработанность проблемы в научной традиции. Типологическое исследование древнерусского начального летописания и древнеисландских саг, предлагаемое в НКР, опирается на длительную традицию отечественной историко-филологической науки, где древнерусское начальное летописание уже давно рассматривается в контексте древнескандинавской историографии. Пребывание скандинавов на славянских территориях в период раннего средневековья (IX-XII в.) стало почвой для масштабных

⁹ Сочинение Беды существовало не только на латыни, но и было переведено не позднее IX в., т.е. тоже было известно на родном языке; в его сочинении также переплетаются династическая и церковная история; труд Беды, как и нарративное ядро ПВЛ, не разбит на годы; в обоих произведениях история народа подсвечена библейской историей; в обоих случаях связный нарратив затем кладется в основу сочинений анналистического типа (Там же. С. 115, 209, 213-216).

¹⁰ Там же. С. 201, 213.

¹¹ Ср. дискуссию о сагах как свидетельствах исторического мышления исландцев XIII-XIV вв. в работе *Boulhosa, P.P. Icelanders and the Kings of Norway. Medieval Sagas and Legal Texts*. Leiden, Boston: Brill, 2005. Pp. 37-42.

¹² Ср. подробное сравнение саг и анналов в исследовании *Olafia Einarsdóttir. Studier i kronologisk metode i tidlig islandsk historieskrivning*. Stockholm: Natur och kultur, 1964.

исследований, посвященных поиску и анализу упоминаний Руси в скандинавских источниках, а также сюжетов, речевых формул и исторических реалий/фигур, которые появляются и в сагах, и в летописях (Е.А. Рыдзевская, А.И. Лященко, Е.А. Мельникова, Т.Н. Джаксон, Ф.Б. Успенский, С.М. Михеев и др.).

Подходы к типологическому исследованию древнерусского начального летописания и древнеисландских саг как форм историописания стали появляться только совсем недавно и пока ограничены только кандидатской диссертацией И.В. Алютиной о схожих чертах поэтики сюжетов в «Круге Земном» и в летописных сказаниях¹³ и работой Е.А. Мельниковой об схожих особенностях композиции открывающей части «Круга Земного» и ранней части ПВЛ¹⁴.

Особенно ценным представляется вывод Е.А. Мельниковой, что сходство композиции и особенностей нарратива в указанных памятниках объясняется типологическим подобием письменной культуры Древней Скандинавии и Древней Руси. С одной стороны, эти регионы объединяют обстоятельства появления и распространения письменности. Во-первых, Русь и Скандинавия практически синхронно принимают христианство в конце X–нач. XI вв., благодаря чему в регионах одновременно появляется письменность¹⁵. Во-вторых, и Русь, и Скандинавия были сильно удалены от

¹³ Алютина, И.В. Поэтика сюжетов в "Повести временных лет" и скандинавских сагах. Диссер. канд. фил. наук. М.: МГУ, 2006.

¹⁴ Мельникова, Е.А. Историческая память в устной и письменной традициях (Повесть временных лет и «Сага об Инглингах») // Древнейшие государства Восточной Европы. 2001: Историческая память и формы её воплощения / Отв. ред. Е.А. Мельникова. М., 2003. С. 48-92.

¹⁵ Мельникова, Е.А. Историческая память... С. 49. Ср. также Мельникова, Е.А. Русско-скандинавские взаимосвязи в процессе христианизации (IX-XIII вв.) // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования (далее – ДГ), 1987 год. М., 1989. С. 260; Мельникова, Е.А. Христианизация Древней Руси и Скандинавии: типологические параллели и взаимосвязи // Введение христианства у народов Центральной и Восточной Европы. Крещение Руси (Сборник тезисов). М., 1987. С. 23. Параллельность процессов христианизации подкрепляется постоянными контактами, особенно часто происходившими в X-XII вв., что влияло на большую синхронность многих культурных процессов. Так, например, среди феноменов, возникших в результате общей христианизации был сходный обряд крещения костей язычников, а также

центра христианизации: как Русь была отдалена от Византии, так и Исландия — и Скандинавия в целом— была отдалена от Рима. Эта пространственная удаленность создает удаленность временную (Т.Н. Джаксон называет это свойство «периферийным хронотопом» культуры Древней Руси и Древней Скандинавии¹⁶), что составляет своеобразие процесса христианизации этих культурных образований: христианство туда приходит позже и сталкивается с уже развитой «национальной» культурой, в том числе и словесной. Отсюда происходит быстрое развитие письменности на родном языке в Древней Руси и Древней Скандинавии. В результате, историописание этих регионов, бытующее на родных языках, оказывается противопоставленным западно- и центрально-европейской национальной историографии, которая развивается на латыни¹⁷.

С другой стороны, как отметила Е.А. Мельникова, заметны общие черты в работе составителя ПВЛ и «Саги об Инглингах», открывающей компендиум «Круг Земной». Так, заметно сходство их задач: оба текста обнаруживают желание составителя вписать историю региона (Скандинавии или Руси) в историю христианского мира¹⁸. Кроме того, похожи и фигуры составителей, а также материал, с которым они работают — это образованные христиане, имеющие дело с источниками устными, «письменными-восходящими к устным» и христианской книжностью, а также с местной ранней историографией, в которую входят «Начальный и

особенности имянаречения: не только варяжские имена попадают в славянский антропонимикон и наоборот (ср. также появление отчеств на Руси), но и сам контекст христианизации и политического взаимодействия заставляют менять принципы имянаречения, которые проявляются в двуименности (*Успенский, Ф.Б.* Скандинавы. Варяги. Русь...). Отмечали также сходство в особенностях культа святых, которые у восточных славян ближе к традициям Скандинавии и Западной Европы, чем к византийской обрядности (*Живов, В.М.* Разыскания в области истории и предьстории русской культуры. М., 2002. С. 321).

¹⁶ *Джаксон, Т.Н.* Древняя Русь и Исландия. Школы и центры учености в первые века христианства // Интеллектуальные традиции античности и средних веков / Под ред. М.С. Петровой. М., 2010. С. 302-303.

¹⁷ *Мельникова, Е.А.* Историческая память... С. 53.

¹⁸ *Там же.* С. 49.

возможные более ранние своды на Руси, труды Ари Мудрого и ранние своды королевских саг в Скандинавии»¹⁹.

Это типологическое направление в исследовании письменной культуры Древней Руси и Древней Скандинавии предлагается продолжить в диссертации, которую представляет данная НКР. **Объектом исследования** в ней является письменная историографическая традиция Древней Руси и Древней Скандинавии на примере древнерусского начального летописания и древнеисландских саг (королевских и родовых). **Предметом исследования** в НКР является только одна черта, общая для письменного историописания избранных регионов: опора книжников на местную раннюю нарративную историографическую традицию на родном языке. Выбранная перспектива обуславливает **новизну** проводимого исследования, так как сравнение саг и летописей никогда ещё не проводилось с этой точки зрения.

Основной **целью** НКР является наметить особенности трансмиссии историографии в книжной культуре Древней Руси и Древней Скандинавии. Главными **задачами** НКР являются ответы на следующие вопросы: 1) как книжники Древней Руси и Древней Скандинавии копируют свои источники? 2) от чего зависят изменения, которые они вносят, и как они распределяются по воспроизводимому тексту? Для этого необходимо:

1. выбрать рукописные традиции для сравнения;
2. разработать метод сравнительного анализа трансмиссии;
3. выявить основные формы трансмиссии, встречаемые в версиях одного памятника;
4. определить причину выбора той или иной формы трансмиссии.

Материал исследования продиктован типологической перспективой работы. В соответствии с отечественной традицией текстологического анализа начального летописания, в качестве основного и единственного

¹⁹ Там же. С. 51.

примера раннего древнерусского историописания берутся региональные изводы ПВЛ (ср. работы А.А. Шахматова, М.Д. Приселкова, Д.С. Лихачева, М.Х. Алешковского, А.А. Гиппиуса, Д. Островского, Т.В. Гимона, С.М. Михеева и др.). Под региональными изводами имеются в виду летописи северо-восточной и южнорусской летописных традиций с одной стороны (летописи Лаврентиевской и Ипатьевской групп) и новгородские летописи с другой (Новгородская первая летопись младшего извода, далее в тексте: Н1Лмл). Изводы возможно сравнивать с начала ПВЛ до 1015-1016 гг., где Н1Лмл начинает сильно расходиться с летописями Лаврентиевской и Ипатьевской групп.

Трансмиссия в рукописных традициях тех или иных древнеисландских саг в НКР отражена на примерах из королевских саг и саг родовых. Для первых выбран компендиум «Круг Земной» (*Heimskringla*), составленный в XIII в. предположительно Снорри Стурлусоном, и один из его источников, «Обзор саг о норвежских конунгах» (*Ágrip af nóregskonungasögum*). Для примера трансмиссии родовых саг в НКР, для сужения материала, избрана одна из саг, сохранившаяся как в отдельной рукописной традиции, так и в составе королевской саги: «Сага о Бьёрне, герое долины реки Хит» (*Bjarnar saga hitdælakappa*).

Анализ форм трансмиссии историографии Древней Руси и Древней Скандинавии предполагает анализ *вариации* в рукописной традиции того или иного памятника – разночтений, не являющихся механическими ошибками переписчиков. **Методология исследования**, представленного в НКР, основывается на концепциях современной западной филологической критики текста и текстологии в России об открытых текстологических традициях (*open recension*, термин Дж. Паскуали). Наиболее актуальными для НКР являются теоретические направления, призывающие анализировать вариацию в рукописной традиции того или иного средневекового текста в качестве проявления индивидуальности писца/редактора конкретной

рукописи/версии памятника – в такой перспективе средневековое произведение заново воплощается в каждой новой редакции и для изучения произведения требуется исследование всей рукописной традиции (Б. Серкилини, С. Николс, Д.С. Лихачев, А.А. Алексеев и др.). В то время как такая перспектива используется в летописеведении со времен А.А. Шахматова, в саговедении она начала применяться совсем недавно (М. Дрисколл, Сванхильдур Оскардоттир, Э. Роу, Э. Лейтбридж, Йоханна Катрин Фридриксдоттир, Д. Сэвборг и др.). Типологический характер исследования автоматически задает междисциплинарный разворот, так как требует учета особенностей научного аппарата как летописеведения, так и саговедения, развивающихся как две различные, никак не пересекающиеся дисциплины.

В основе метода анализа вариации в НКР лежит традиционная практика критики текста, находящая отражение также и в сравнительно-текстологическом методе, хорошо разработанном на материале летописеведения. Так, при сравнении версий сначала производится проверка чтений по нескольким спискам (как минимум два с одной стороны и два с другой), наиболее значимым для каждой из версий согласно существующим авторитетным стеммам – таким образом, во-первых, вычленяются индивидуальные чтения отдельных списков, а во-вторых, выявляется вариация между версиями.

Принципиальной особенностью методологии данной НКР является комплексный анализ вариации в больших отрывках текста с упором *на формы распределения вариации*. Такой подход позволяет выйти за рамки сравнительно-текстологического метода, заточенного на выявление смены мировоззренческих или языковых парадигм (ср. работы А.А. Шахматова или А.А. Гиппиуса), и обратиться к индивидуальному письменному опыту средневековых книжников. Различные формы распределения вариации в НКР предлагается рассматривать как различные модусы воспроизведения текста, которые избираются книжниками в зависимости от «речевой» задачи.

В этом методология исследования данной НКР является целиком экспериментальной и вдохновляется идеями, развитыми в современной социолингвистике (ср., например, работы М. Халлидея и др.).

Формы распределения вариации и их функции в НКР выявляются благодаря качественному анализу языка памятника в его различных версиях на уровнях от морфологии до нарративной стратегии. Кроме форм распределения вариации для сравнения различных фрагментов текста в НКР используется также параметр количества вариации. Для определения этого параметра используются базовые методы количественного анализа (подсчет слов, участвующих в вариации).

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Сравнение древнерусского начального летописания и древнеисландских саг (королевских и родовых) возможно с точки зрения форм опоры книжников на местную раннюю нарративную историографическую традицию на родном языке. Принципиально важным для сравнения этих форм средневековой книжности является сочетание 1) прозаического повествования, 2) функционирования текста как истории, а также 3) бытования на родном языке.
2. В рукописных традициях древнерусского начального летописания и древнеисландских саг выделяются различные формы трансмиссии текста предшественника.
3. Среди форм трансмиссии выявляется как минимум три вида воспроизведения текста предшественника: близкое копирование, сужение/расширение текста и пересказ. Каждая из этих форм является функциональной.
4. Форма пересказа при воспроизведении текста предшественника напрямую связана со сменой нарративной стратегии у нового переписчика/редактора. При этом изменения затрагивают не только

«идеологически» важные для новой нарративной стратегии элементы текста, но и элементы для нарративной стратегии вовсе не важные.

5. Форма пересказа является следствием природы таких текстологических традиций как летописи или саги. С одной стороны, они воспринимаются переписчиками/редакторами как *история* и потому обладают авторитетом, который поддерживает стабильность рукописной традиции (что выражается во внушительном объеме идентичного текста). С другой стороны, в обоих случаях эта история является *анонимной*, написанной *на родном языке и в прозаической форме*, что открывает для переписчиков/редакторов возможности для большего проявления своей индивидуальности как мировоззренческой, так и языковой. Столкновение двух этих тенденций к стабильности и к вариации выражается в форме пересказа.

Апробация материала и наблюдений НКР. Материал диссертации, так или иначе вошедший в НКР или же планируемые для включения в диссертацию, использовался в докладах на 9 научных конференциях, 8 из которых были международными. Имеются в виду следующие доклады: 1) «Пересказ как искусство историка: о некоторых формах трансмиссии в историописании Древней Руси и Древней Скандинавии» (10-11.06.2020, Древняя Русь и германский мир в историко-филологической перспективе. ИнСлав РАН / НИУ ВШЭ, Москва); 2) «To Copy or To Tell? On Retelling and Variation in the Manuscript Tradition of the Old Russian Primary Chronicle and the Sagas of Icelanders» (5-7.12.2019, Международный симпозиум «The Formula in Oral Poetry and Prose. New Approaches, Models and Interpretations», Университет г. Тарту, Тарту, Эстония); 3) «"Неуклюжая сага": о неоднородности структуры древнеисландской родовой саги» (8-9.10.2019, Международная конференция "XI Мелетинские чтения. In medias res: стратегии нарратива". РГГУ, Москва); 4) «Íslendingasögur, Anonymity, and Stylo: What can Computational Stylistics Say about Anonymous Corpora?» (9-

12.05.2019, 54 международный конгресс «The 54th International Congress on Medieval Studies», Университет Западного Мичигана, Каламазу, Мичиган, США); 5) «О вариации в рукописной традиции “Повести временных лет”: От копии к пересказу?» (13.04.2019, VII международная конференция молодых исследователей «Текст – комментарий – интерпретация», НИУ ВШЭ, Москва); 6) «Переписчик или пересказчик? О пересказе в древнеисландской и древнерусской рукописных традициях» (7.03.2019, Всероссийская научная конференция молодых ученых «Фольклористика и культурная антропология сегодня», РГГУ, Москва); 7) «Yfirbætr sé til alls: компенсация, катастрофа, родовые саги» (6-7.06.2018, XI Международная научная конференция «Древняя Русь и германский мир в историко-филологической перспективе. Конференция памяти Е.А. Гуревич». НИУ ВШЭ/ ИнСлав РАН, Москва); 8) «Пересказ или вариация? К исследованию структуры рукописной традиции Vjarnar saga Hítðælakappa» (15-17.03.2018, VII Международная научная конференция «Текстология и историко-литературный процесс», МГУ, Москва); 9) «Using rolling.classify on the Sagas of Icelanders: Collaborative Authorship in Vjarnar saga Hítðælakappa» (7-9.03.2018, III Международная научная конференция «Digital Humanities in Nordic Countries», Университет Хельсинки, Хельсинки, Финляндия).

Доклады по теме диссертации также представлялись на научных семинарах Института польского языка ПАН («DN Lunch», руководители М. Эдер, Я. Рыбицки) и «Лаборатории ненужных вещей» («Варяжский клуб», руководители Ф.Б. Успенский, А.Ф. Литвина). Часть исследования выполнена при финансовой поддержке фонда «Современное естествознание» в рамках конкурса «Молодые ученые в гуманитарных науках» (март 2018-август 2019, сентябрь 2019-февраль 2019).

Структура исследования. НКР состоит из введения, трёх глав и одного экскурса, заключения, библиографического списка (137 позиций,

включая источники), а также пяти приложений, относящихся к различным частям работы. В целом НКР занимает около 10 а. л. (около 180 стр.).

Так как одной из задач НКР является разработка методологии сравнительного анализа трансмиссии средневекового текста, **первая глава НКР** посвящена существующим методологическим направлениям по теме исследования. Так, в первой главе дается обзор существующих методов работы со средневековой рукописной трансмиссией на Западе и в России, а также обосновывается использование именно текстологической перспективы при работе с памятниками типа летописей или саг – и саги, и летописи раз за разом переписываются в различном контексте (в сборниках различного содержания / в составе новой летописи). Для иллюстрации приводится краткая история текстологических разработок о древнерусском начальном летописании и обзор истории развития древнеисландского историописания, посвященного норвежским конунгам (королевские саги, *konungasögur*) – как ПВЛ существует в составе различных летописных сводов, так и саги о норвежских конунгах раз за разом воспроизводятся в составе новых форм королевских саг: от кратких синопсисов до больших компиляций XIV-XV вв. Та же особенность характерна и для трансмиссии родовых саг. В целом, в обзоре показывается, что традиция древнеисландских саг в плане происхождения устроена сложнее, чем традиция древнерусского начального летописания – самые первые исторические саги записываются на латыни, в то время как древнерусское летописание сразу существует на родном языке. Однако, с точки зрения особенностей трансмиссии саги и летописи как формы историописания оказываются явлениями одного порядка.

В заключительной части первой главы дается историографический обзор подходов к вариации в версиях родовых саг, так как самодостаточное рассмотрение вариации в саговедении является очень новым направлением исследований. Этому направлению предшествовало практически три столетия совершенно иного взгляда на проблему: за вариацией между версиями родовых саг исследователи часто видели не письменную вариацию,

появляющуюся из-за переписывания саги в контексте нового “конвоя”, а следы вариантов устных преданий. В НКР на основе обзора существующей исследовательской литературы показывается, что такие варианты в большинстве случаев не следует возводить к устной традиции – о бытовании в устной традиции в большей степени свидетельствуют не варианты одной и той же саги в разном письменном окружении, а варианты одного и того же сюжета / одной и той же сцены в разных сагах.

Во **второй главе** НКР описывается пример использования методики сравнительного анализа форм трансмиссии средневекового рукописного текста на материале двух *case studies*. В главе рассматриваются формы воспроизведения текста предшественника в традиции древнерусского начального летописания на материале нескольких фрагментов ПВЛ в её региональных изводах и в традиции древнеисландских королевских саг на материале фрагментов «Обзора саг о норвежских конунгах» (*Ágrip af nóregskonungasögum*) в составе «Круга Земного» (*Heimskringla*). Сначала приводится подробная методология качественного и количественного анализа избранных фрагментов (описана выше) и характеристика источников, затем следуют анализ вариации и выводы.

Анализ различных фрагментов показывает, что при трансмиссии возможно как минимум три типа воспроизведения текста предшественника: близкое копирование, сужение/расширение текста и пересказ-изложение. Последний тип воспроизведения еще не был описан в научной литературе о текстологии летописи или саги и поэтому его описание занимает основное место как во второй, так и в третьей главах НКР. Во второй главе «модус» пересказа описывается на примерах рассказа о конфликте князя Ярослава и новгородцев под 1015-1016 гг. в региональных изводах ПВЛ и рассказа о смерти ярла Хакона в «Круге Земном» и в «Обзоре саг о норвежских конунгах». Основными характеристиками этого «модуса» пересказа является: 1) наличие «каркаса» из идентичного текста, 2) большое количество вариации, которая распределяется в форме цепочек из синонимов

(лексико-грамматический, синтаксический и риторический параллелизм между версиями). При анализе возникает впечатление, что общая основа обладает особенной ценностью для составителя летописного или сагового текста в анализируемых фрагментах – даже меняя что-то, эту основу нужно было постараться сохранить.

И в случае летописного примера, и в случае примера из королевских саг пересказу сопутствует кардинальный сдвиг в нарративной стратегии повествователя. В случае рассказа о Ярославе и новгородцах составитель версии летописи, отраженной в списках Лаврентьевской и Ипатьевской групп и в списках Н1Лмл. такой точкой, вызывающей изменения, служит деталь об убийстве Бориса и Глеба – для составителя ПВЛ важно было согласовать рассказ с этой историей, в то время как в Н1Лмл. такого четкого намерения не наблюдается. В случае с рассказом о смерти ярла Хакона составитель «Круга Земного» вносит изменения, желая вставить нового героя (Орма Люргью) – если целью составителя «Обзора» было показать низость нрава ярла Хакона и для этого достаточно рассказа о его противостоянии с женой Орма, то для составителя «Круга Земного» основной стратегией является рассказ о конфликте Хакона и норвежских бондов, для чего необходим сам Орм. Таким образом, в обоих случаях форме пересказа сопутствует смена нарративной стратегии. Однако, изменения захватывают не только фрагменты, непосредственно связанные с нарративной стратегией, но и лексемы вокруг них.

Ко второй главе также приложен экскурс, посвященный случаю очевидного пересказа в древнерусской летописной традиции. Имеется в виду случай использования рассказа о сватовстве князя Владимира к Рогнеде под 980 г. в ПВЛ и под 1128 г. в Суздальской летописи. В экскурсе показывается, что форма пересказа в этом случае схожа с формой пересказа в рассказе о конфликте Ярослава и новгородцев, а вариация также связана со сменой нарративной стратегии и тоже распространяется за пределы элементов, напрямую связанных со сменой фокуса рассказчика.

В **третьей главе** НКР исследование представлено в форме *case study* рукописной традиции родовой саги, «Саги о Бьёрне, герое долины реки Хит» (*Bjarnar saga hitdælakappa*), одна из версий которой сохранилась в традиции королевских саг. Эта сага представляет особый интерес для темы НКР, так как версии саги на всем параллельном фрагменте соотносятся в форме пересказа, описанного в предыдущих главах. Однако, параллельный фрагмент в случае версий «Саги о Бьёрне» намного длиннее, что, с одной стороны, увеличивает трудоемкость сравнения, а с другой, дает возможность собрать больше данных.

Предпринятое сравнение имеет также практическую ценность для исследования соотношения версий «Саги о Бьёрне», так как подобного анализа до сих пор не проводилось, а о характере соотношения высказывались противоречивые точки зрения – версию королевской саги то считают более многословной, то сокращающим пересказом. Анализ показывает, что версии саги соотносятся как пересказ-изложение, но вовсе не сокращающий: при большом количестве идентичного текста (около 55% процентов) и практически равном количестве текста в целом (3050 и 2955 слов) вариация распределяется в форме лексико-грамматического, синтаксического и риторического параллелизма.

Для выявления причин появления такого типа трансмиссии как пересказ, вариация между версиями «Саги о Бьёрне» анализируется в главе на всех возможных уровнях от микро-анализа единичных различий до макро-анализа общей нарративной стратегии составителя сборника, в который была включена сага (*Bæjarbók á Rauðasandi* (AM 73 b, fol., 1370-1400 гг.). Наибольшую продуктивность показывает метод комплексного анализа вариации, испытанный во второй главе НКР, когда различия анализируются не по отдельности, а в контексте остальных различий. Для подобного анализа на большом отрывке текста, сага была произвольно поделена на короткие законченные отрывки.

Классификация случаев параллелизма (цепочек синонимов) между версиями «Саги о Бьёрне» показывает, что параллелизм обычно возникает 1) при смене синтаксического оборота, 2) при вставке новой информации, 3) при появлении различной информации. Лишь один пример указывает на то, что параллелизм также может появляться без видимой причины, но в контекстах, имеющих заведомо формульную природу (например, зачины периодов). Все эти факторы в той или иной мере присутствуют также в примерах, разбираемых во второй главе. Единственная черта соотношения версий, которая пока находится только при сравнении версий «Саги о Бьёрне» и не была найдена при анализе древнерусского начального летописания и древнеисландских королевских саг – это возможность инверсии клауз внутри периода при соблюдении параллелизма в каждой клаузе. В рассмотренных случаях за сменой положения клауз четко прослеживается смена нарративной стратегии рассказчика – однако, чрезвычайно любопытным представляется сохранение параллелизма между каждой из клауз по отдельности.

Анализ нарративных стратегий версий «Саги о Бьёрне» показывает, что в версии в составе королевской саги («Отдельной саги об Олаве Святом») заметна четкая установка на более яркое различие протагонистов саги – многие изменения направлены на то, чтобы обелить и возвысить Бьёрна Арнгейрссона и очернить и принизить Торда Кольбейнссона. Эта линия «проводится» через весь фрагмент в составе королевской саги и завершается открытой оценкой составителя сборника в заключительном комментарии.

В конце третьей главы делается предположение о причинах подобной правки. Кодекс *Væjarbók* является расширенной версией «Отдельной саги об Олаве Святом». Кроме саги об Олаве туда было включено всего три фрагмента из саг об исландцах (фрагменты из «Саги о Бьёрне», «Саги о людях из Лососьей Долины» и «Саги о названных братьях»). Два из них были проанализированы в НКР – можно заметить, что и фрагмент из «Саги о Бьёрне», и фрагмент из «Саги о людях из Лососьей долины» являются

фрагментами о дурных поступках исландцев, которые приводят их к краху: в «Саге о Бьёрне» обман Торда Кольбейнссона раскрывается и он теряет драгоценную для него репутацию, а в «Саге о людях из Лососьей долины» тщеславие и гордость Торкеля Эйольвссона приводят его к гибели в кораблекрушении. Таким образом, снова модус пересказа соответствует смене нарративной стратегии – и снова захватывает языковые элементы вокруг того, что этой нарративной стратегии касается напрямую.

Выводы исследования. Так как НКР является отрывком диссертации, выводы пока могут быть только краткими и предварительными. Главной задачей этой НКР было не столько ответить на все вопросы, сколько поставить их и составить примерную карту навигации по сравнительному исследованию средневековой рукописной трансмиссии.

1. Типологическое сравнение древнерусских летописей и древнеисландских саг как форм историописания не является традиционной темой для скандинавистики или славистики. Между этими источниками много различий: в форме, в особенностях корпуса, в поэтике, в происхождении, что сильно усложняет сопоставление. Однако, между летописями и сагами находятся точки схождения, на основе которых сравнительный анализ всё же возможно совершать. Они объединены схожими, специфическими для Средневековой Европы, обстоятельствами возникновения письменной культуры, а также схожими условиями, в которых находились составители историописания – они писали не на латыни (в Скандинавии – по крайней мере с конца XII в.) и опирались на своих предшественников, которые также писали на родном языке. Таким образом, исторические древнеисландские саги и древнерусские летописи оказывается возможным сравнить по параметру форм воспроизведения предшествующего текста на родном языке.

2. Особенностью саг и летописей является их схожая текстологическая природа – обе традиции являются открытыми и для обеих традиций

характерно постоянное воплощение того или иного текста в новом контексте (сборника или свода), который требовал изменений. С этой точки зрения саги и летописи отличаются от трансмиссии авторских текстов Средневековой Европы, так как даже при определенной доле вариации последние изменяются в меньшей степени. Подобный характер трансмиссии связан с отношением составителей древнерусских летописей и древнеисландских саг к их материалу – задачей было не столько сохранить текст как авторитетный, сколько его использовать для создания нового исторического свода. Такой функциональный фокус отражается на форме распределения вариации и её количестве.

3. Для анализа вариации самой по себе, а не ради истории текста, подходят инструменты как критики текста (реконструкция, проверка вариантов), так и текстологии (комплексный анализ нарративной стратегии, стоящей за вариантами). Кроме того, при анализе вариации работают и количественные методы (подсчет), и качественные (анализ отдельных примеров).

В силу отсутствия каких бы то ни было примеров подобного сравнительного и комплексного анализа вариации, все методики данной НКР были разработаны в качестве эксперимента и, конечно, могут быть улучшены. Представляется, что количественные методы (особенно подсчет вариации и идентичного текста) покажут более интересные результаты на бóльшем объеме примеров – однако, уже сейчас таким образом можно говорить о том, в каких фрагментах вариации больше, а в каких меньше. Наиболее интересные результаты на малом количестве примеров даёт качественный анализ, который позволяет выявлять тип воспроизведения текста. Таким образом было выделено три основных таких типа или «модуса» – близкое копирование, сужение/расширение и пересказ-изложение.

4. «Модус пересказа» пока все еще требует бóльшего исследования. В НКР была предпринята первая попытка описать его форму – под пересказом

имеются в виду случаи, когда сохраняется «каркас» из идентичного текста, внутри которого распределяется вариация из равнозначных различий (а не механических ошибок!). Во всех исследованных случаях такие версии находятся в отношениях лексико-грамматического, синтаксического и риторического параллелизма.

Причиной перехода на пересказ как формы воспроизведения текста представляется смена задач переписчика/редактора – увидев рассказ с новой стороны, он пытается трансформировать его в соответствии со своим новым видением. При этом особенно примечательным свойством «модуса пересказа» представляется то, что изменения касаются совсем не только мест, напрямую связанных с новой нарративной стратегией: изменения расходятся от этих мест, как круги на воде, и часто кажутся совсем не связанными именно с «идеологическими» нововведениями. Представляется, что в момент, когда рассказчик вообще решает «протягивать» некоторую нарративную стратегию через весь текст, его отношение к нему меняется – у переписчика/редактора появляется больше свободы проявления не только своего мировоззрения, но и своих языковых предпочтений. Однако, в силу авторитетности самой по себе исторической традиции, текст предшественника все равно оказывается необходимо сохранить. Таким образом, возникает форма пересказа.

Положения работы отражены в следующих публикациях²⁰:

1. *Глебова, Д.* Рукописная вариация между оригиналом и исследователем: о возможных подходах к проблеме и их генезисе // *Vox medii aevi*. Vol 1-2 (6-7). 2020. **В печати.** (Входит в РИНЦ).
2. *Глебова, Д.* Переписать или пересказать? О пересказе и вариации в рукописной традиции *Bjarnar saga Hítðelakappa* // Вестник РГГУ.

²⁰ В список включены также работы, не включенные в текст НКР, но подготовленные в рамках темы диссертации.

- Литературоведение. Языкознание. Культурология. № 4. 2020. **В печати.** (Входит в список ВАК).
3. *Глебова, Д.* Неуклюжая сага: Повторы и неоднородная композиция в «сагах об исландцах» // *Arbor Mundi. Вестник РГГУ. Литературоведение. Языкознание. Культурология.* 2020. **В печати.** (Входит в список ВАК).
 4. *Глебова, Д.* Пересказ как искусство историка: к вопросу о рукописной трансмиссии историописания в Древней Руси и Древней Скандинавии // *Славяноведение.* №4. 2020. С. 30-49. (Входит в список ВАК).
 5. *Глебова, Д.* Переписчик или пересказчик? О пересказе в древнеисландской и древнерусской рукописных традициях // *Фольклористика и культурная антропология сегодня: Материалы Всероссийской научной конференции молодых ученых / Сост. Н.С. Петрова, Н.Н. Рычкова.* М., 2019. С. 13. (Входит в РИНЦ).
 6. *Глебова, Д.* К поэтике двухчастной саги: точка зрения и композиция в “*Vjarnar saga Hítðælakappa*” // *Древнейшие государства Восточной Европы.* 2016 год: Памяти Г.В. Глазыриной / Отв. ред. Т. В. Гимон, Е. А. Мельникова, Т. Н. Джаксон, А. С. Щавелев. М., 2018. С. 111-123. (Входит в РИНЦ).